

Ю. Ю. Баранова

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XIX ВЕКА: СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИИ

Показана специфика изучения социальной патологии российской социологией. При этом подчеркивается, что традицией отечественной социальной мысли является обращение к проблемам нравственности.

This article focuses on the specific features of a study into social pathologies in Russian sociology. The author emphasises that the addressing of moral problems is a tradition of Russian social thought.

Ключевые слова: социальная патология, аномия, психологизм.

Key words: social pathology, anomie; psychologism.

В российской обществоведческой мысли XIX в. сложно отделить социологический анализ от философской рефлексии. И в этом, как видится, состоит одна из специфических черт российской социологии, когда исследователь, изучая некий отграниченный феномен, пытается в то же время охватить весь социальный мир, делая это с собственной мировоззренческой и методологической позиции. Поэтому в данной статье нам представляется важным не только раскрыть особенности взглядов отечественных социологов на патологические явления в жизни общества, но и сопоставить их с позицией представителей социально-философской мысли, юриспруденции.

Такой компаративный анализ не случаен по нескольким основаниям. Во-первых, всем российским исследователям социального всегда был присущ свой особенный подход к рассмотрению различных аспектов функционирования общества, в частности его аномичного состояния. Такие особенности состоят в тесном сопряжении изучения внешне заданной нормы, порядка и закона с нравственно-ориентированным, или, напротив, — с безнравственным, сознанием и поведением личности. Отсюда и особое отношение к отклоняющемуся поведению, к такому, например, его элементу, как потеря обществом, человеком нравственных максим, «нормальных» образцов поведения. Во-вторых, всегда был свойственен отечественной социальной мысли особый психологизм, который фокусирует в качестве едва ли не единственно субъекта социальных процессов личность. Здесь наблюдаются сущностные расхождения с западными обществоведами. Так, Э. Дюркгейм, развивая свою концепцию аномии, как известно, ставил в основу своего исследования объективные факторы — углубление разделения труда, переход от традиционного общества к промышленному. И третья, фиксируемая нами особенность изучения социума российскими учеными, это присущий отечественной социологии так называемый субъективный метод, когда сами критерии исследования зависят от нравственных идеалов исследователя. П. Л. Лавров пишет, например: «... различия важного и неважного, благодетельного и вредного, хорошего и дурного суть различия, существующие лишь для человека, а вовсе чужды природе и вещам сами по себе» [1, с. 278]. И эта исходная позиция пронизывает затем весь процесс изучения общества в целом, задает научный язык, в котором кодируется, в частности, понимание нормы и патологии.

Теперь представляется необходимым более детально рассмотреть взгляды отечественных философов, правоведов и социологов. Так, В. С. Соловьев рассматривал аномичность общества с точки зрения философской концепции неоплатонизма и находил причины преступного поведения в сфере трансцендентной реальности. Первопричиной дезорганизации в обществе, по Соловьеву, является отпадение так называемой Мировой Души от божественного единства, акт проявленного ею своеволия. Именно это событие, произошедшее в реальности трансцендентной, и влечет за собой аномичные проявления в реальном мире. Продолжая свою мысль, Соловьев находит подтверждение своей концепции в окружающей его действительности — своеволие Мировой Души переносится им на поведение человека. Философом отмечено, что девиантное поведение изначально свойственно каждому человеку, так как любым живым существом движет стремление к своему индивидуальному самоутверждению, что проявляется в крайнем эгоизме. Особенное внимание при этом философ акцентирует на тех индивидах, эгоистическая воля которых сопряжена со злой, решительной волей, пренебрегающей

моральными и правыми запретами [2, с. 708–709]. Стоит отметить также точку зрения С.Л. Франка. По его мнению, человеческий дух, утратив традиционную веру в высшие абсолюты, оказался в тупике и теперь необходимы колоссальные усилия мысли и воли, чтобы пробудить в сознании современного человека забытую идею существования вечных первоначал бытия, довлеющих над людьми и миропорядком [3].

Что касается социально-правовых учений, то представляется важным выделить концепцию Б.Н. Чичерина. Он определяет два основных регулятора общественной жизни: государство и гражданское общество, которые для человека являются эквивалентными социальными сферами, внутри которых он находится одновременно и постоянно. И противоречие интересов разных индивидов, доходящее часто до прямых столкновений и способное превращаться в открытую борьбу, заставляет общество и государство высоко ценить право с его регулятивными свойствами и ориентированностью на поддержание социального порядка [4].

Этические максимы всегда детерминировали такие понятия, как «норма», «закон», «правовое поведение». Понятие «норма» для Б.А. Кистяковского, например, является априорным и в решающей мере этико-правовым, именно нормы выступают структурирующими элементами социума, скрепляющими его в единое целое. Общество определяется Кистяковским как «единство коллективного духа», сфера воспроизводимого общественного сознания, детерминированной культурной средой, оно больше, чем сумма индивидов. Большую роль в «нормальном обществе» играют элементы культуры, которые трансформируют все социальные практики и их атрибуты в проявления коллективного сознания. Если в обществе данной трансформации не происходит, то имеет место правовой нигилизм, чреватый социальными потрясениями [5]. Обращая особое внимание на явления, присущие российскому обществу, Кистяковский связывает специфику исторической эволюции страны со слабым развитием правового сознания у русского народа и интеллигенции, отсутствием уважения и веры в силу закона [6]. Как видим, вновь можно зафиксировать опору на некие априорно данные нравственные максимы. И философия в России, и российская школа правоведения сохраняли тем самым самобытность, унаследованную от предыдущих поколений исследователей.

Что касается социологии конца XIX — начала XX в., то в ней, как известно, доминировала идея прогресса и непрерывного прироста позитивного знания, развития разума как главной движущей силы социума. Несмотря на этот социальный оптимизм, в рамках своих теоретических построений российские исследователи не могли не задаться вопросом о причинах отклонений от норм, утраты положительных социальных связей между элементами общества.

П.Л. Лавров, сторонник субъективного метода в изучении социальных явлений и изменений, что уже отмечалось, свои работы посвятил исследованию социоисторического развития. Не предавая детальному рассмотрению дезорганизационные моменты в общественной действительности, он тем не менее в качестве важнейшего элемента развития общества выделяет солидарность между индивидами. «Люди образуют общество, когда они оказываются солидарными в своих привычках, аффектах, убеждениях, интересах», — цитирует Н.И. Кареев Лаврова в своем очерке истории российской социологии [7, с. 52]. Выделяя сознательную солидарность, Лавров говорит о том, что есть группы, или даже целые социальные слои, которые могут проводить в жизнь солидарные принципы общежития, это так называемая интеллигенция. Также существуют вытесненные из исторического развития «пасынки истории» и «культурные дикари». Таким образом, мы можем увидеть, как целые слои общества не участвуют в процессе «нормальной» жизнедеятельности социума, представленного Лавровым. В концепции Лаврова нетрудно увидеть противопоставление личности такой отвлеченной и тонкой субстанции, как культурная среда. Личность, вплетенная в структуры традиций, общественной рутины, находится в соответствии или несоответствии с социокультурным окружением.

Концепция же другого Н.К. Михайловского, напротив, ставит личность перед конкретно взятым явлением — толпой, психически заражающей отдельных индивидов, в ней очутившихся [8, с. 76]. Михайловский подходит к изучению феномена толпы через роль в ней некой сильной человеческой личности. По его мнению, личность может быть искалечена не только из-за социальных катастроф, кризисов, вытеснения из процесса разделения труда, но и посредством охватившего его так называемого «стадного чувства». Рассматривая поведение толпы как частный пример аномии, Михайловский называл таковой «массу, способную увлекаться примером...» [8, с. 97]. Интересна также роль героя, который несет основную организаторскую нагрузку в деле управления толпой. Несмотря на несколько иное отношение к изучению общественных явлений, в социологии Михайловского вновь наблюдается явный психологизм и субъективизм в понимании личности и ее поведения, действия.

Взгляд следующего ученого на социальную нестабильность общества, его аномичность, патологию невозможно объединить с позиций других представителей российской социологии. П. А. Сорокин создал собственную концепцию аномии с присущим только ей глоссарием и методологической основой. В своей первой крупной работе «Преступление и кара. Подвиг и награда» Сорокин на обширном историческом материале, что затем станет характерным для него, ставит вопрос о том, что в поведении человека признается обществом преступным, а что же является обыденным или даже геройским поступком. Главным для социолога в этой связи является понимание обществом нормы. Сорокин считает, что понять норму невозможно, если не определить ее составляющие. А они таковы: воля, предписание и оценка. На основе последнего слагаемого он пишет: «Каждое нормативное суждение предполагает известного рода оценку (одобрение, признание), из которого вытекает понятие «хорошего»... или же «дурного» [9, с. 37–39]. Само социальное явление для Сорокина есть социальная связь, имеющая психологическую природу и реализующаяся в сознании индивидов. То есть в этом и проявляется субъективизация понимания нормы и патологии в обществе, зависимость того или иного явления от оценок, даваемых внутри некоего сообщества. В подтверждение вышесказанного отметим, что «нельзя признаков класса «преступных» актов искать вне психики... Преступным будет и может быть тот или иной акт не сам по себе, а лишь в том случае, когда в психическом переживании кого-нибудь он квалифицируется как преступный» [9, с. 112]. Исходя из этой основной посылки, Сорокин и представляет три основных поведенческих акта, или модели поведения, базирующихся на основных психических переживаниях: акты «дозволенно-должные», «рекомендуемые» и «запрещенные». На основе данной типологизации к преступному поведению Сорокин относит деятельность, в психическом переживании человека приравненную к «запрещенным» актам и имеющую «отгалкивательные» эмоции. Сам источник общественной патологии Сорокин находит в конфликтном характере развития социальной группы, а именно в тот момент, когда шаблоны конфликтных ситуаций превращаются в «должные» и «обязательные», а нарушение их становится преступлением. Тогда и возникает соответствующая реакция на нарушение – наказание, или по-другому – кара.

Продолжая изучение социальной патологии, Сорокин пишет, что склонность к отклоняющемуся поведению обостряется в периоды кризисов, когда возрастет моральная индифферентность индивидов. В такой ситуации нормы позитивного права, в силу их относительного характера, не в состоянии регулировать человеческое поведение, и правосознанию необходимы абсолютные нормативные основания, соотносящиеся с глубинными структурами человеческой психики, с потребностью людей в общепризнанном трансцендентном авторитете [10].

Таким образом, своеобразные концепции в изучении аномичного состояния действительности, представленные как социологическими концепциями, так и социально-философскими взглядами, правовыми идеями отечественных исследователей, объединяются единым методологическим основанием. Субъективизация социальной жизни, отнесение преступного явления к таковому через первичную психологическую оценку, внутреннее переживание на некой моральной, высшей максиме выделяют отечественную обществоведческую мысль, предполагают ее соотнесение именно с российской ментальностью. Пристальное внимание указанных нами и иных авторов к социокультурным и религиозным особенностям социальной жизни в России, способствующим или, напротив, мешающим, преодолению девиантных проявлений в российском социуме, задает, как представляется, вектор и сегодняшних исследований социальной патологии.

Список источников и литературы

1. Лавров П. Л. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1: Задачи позитивизма и их решение. М., 1965.
2. Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал: в 2 т. Т. 1. М., 1988.
3. Франк С. Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // Философы России XIX–XX столетий: биографии, идеи, труды. М., 1999. С. 8–14.
4. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. СПб., 2005. С. 3–30.
5. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. [Электрон. ресурс] / Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и права М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. С. 120–188. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/136/122/> (дата обращения: 17.10.2010).
6. Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1991. С. 122–149.
7. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб., 1996.

8. Михайловский Н.К. Герои и толпа // Избранные труды по социологии: в 2 т. Т. 2. СПб., 1998.
9. Сорокин П.А. Преступление и кара. Подвиг и награда. СПб., 1999.
10. Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008. С. 58–61.

Об авторе

Юлия Юрьевна Баранова — ассист., Российский государственный университет им. И. Канта, e-mail: yubaranova@gmail.com

Author

Juliya Baranova, Lecturer, IKSUR, e-mail: yubaranova@gmail.com